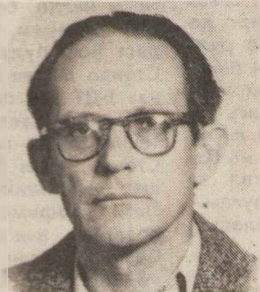

ЗАБЫТЫЙ ДРУГ?

СБОРНИК воспоминаний о Михаиле Ильиче Ромме собирался, верстался, ждал своего места в темплате издательства в 80-е, — сказано в предисловии А. Кончаловского, а на последней странице этой книги, выпущенной издательством «Искусство», можно прочесть: «Сдано в набор 08.01.90» — четыре года назад! «Длинный путь. Он много крови выпил», — вспоминаются слова поэта, когда думаешь о мытарствах книги «Мой режиссер Ромм» и ее составителей — И. Б. Германовой и Н. Б. Кузьминой.

Впрочем, этот сюжет по-своему весьма типичен для времен, запечатленных на страницах сборника. Ростислав Плятт (не доживший, как и многие другие авторы, до выхода книги в свет) вспоминал «печальные слова Ромма о том, что сценарий «убийство на улице Данте» пролежал без движения столько лет, что, когда он был написан, он действительно заглядывал вперед, а к моменту начала съемок уже был весь опрокинут в прошлое, и «аппетит» к нему, естественно, пропал». И если этой десятилетней (!) про-

Экран и кино. — 1994. — 13-20 ч. в. (1-2) — с. 6

«Он был танком...»

волочкой «кусочек здоровья у Ромма был отнят» (по чрезмерно деликатному выражению мемуариста), то многочисленные препятствия, чинимые в «инстанциях» последнему замыслу режиссера, во многом повинны в его смерти.

«Он был танком, — вспоминает Андрей Смирнов о том, как Михаил Ильич бился за его «Белорусский вокзал», — ну, а мы — как пехота после танковой атаки шли уже в рукопашную».

А «танк» был уже весь в пробах — от драматического осознания, что своими прославленными фильмами о Ленине участвовал в сотворении мифов и оправдании жестокостей, от схваток, говоря языком военной сводки, с превосходящими силами противника (например, с Хрущевым из-за хуциевской «Заставы Ильича»), от горьких утрат («Мы взяли хороший курс на вымирание», — сказал Ромм на похоронах Игоря Савченко), от равнодушия и отступничества коллег («Все друзья до черного дня», — подытожил он пережитое за недели, когда на самом «верху» решалась судьба «Секретной миссии» и, как вспоминает Е. Кузьмина, никто не заглядывал к ним: «все затаились и ждали, чем же все кончится»).

«Боже, как трудно доползти до конца!» — вырвалось у Ромма в письме, полученном адресатом уже после смерти Михаила Ильича.

Но все же он и правда «был танком»! И тогда, когда не стеснялся без обиняков говорить о выцветании любимого искусства: «Каждый из нас умеет делать свое. Например, я — повольте мне гастрономическую параллель — умею делать бифштекс, Райз-

ман умеет делать бефстроганов, еще кто-то... умеет делать котлеты по-киевски... Вместо этого все мы варим одно, и это одно — манная каша». И тогда, когда публично выступал против литературных погромщиков — Грибачева, Кочетова и Софронова (последнего в книге называют Сафроновым, — так проходит земная слава!), за что расплатился вынужденным уходом из Всесоюзного института кинематографии от любящих и любимых учеников. И — самое главное! — тогда, когда совершал мощные прорывы в новые для искусства области и темы, как то было в «Девяти днях одного года» и особенно в «Обыкновенном фашизме».

По мнению одного из роммовских учеников В. Абдрашитова, в этих фильмах как бы родился новый художник, новый Ромм. И действительно, его мысль уже выходила на тот же «оперативный простор», что и других больших художников эпохи.

«Опасаются нежелательных ассоциаций, — язвительно передавал Ромм претензии партийных верхов ГДР к «Обыкновенному фашизму». — А почему эти ассоциации нежелательны?» К той поре подобные «ассоциации» откровенно возникали и в гроссмановском романе «Жизнь и судьба».

Рассказывая о том, как Михаил Ильич приступал к работе над первым фильмом из задуманного цикла «Мир сегодня» — «Великая трагедия» (о культурной революции Мао), С. Линков лаконично (еще в духе 70—80-х) поясняет: «Конечно же, это должен был быть фильм не только о Китае». Недаром один из высокопоставленных чиновников высказал подозрение, что «Ромм хочет сделать «Обыкновенный социализм»...»

«Если бы Михаил Ильич завершил эту работу, — убежден Ю. Райзман, — то она стала бы таким же событием, как и «Обыкновенный фашизм».

На «осиротевшем», по выражению Н. Б. Кузьминой, письменном столе Ромма, помимо «пасьянса» из карточек с записями для задуманных фильмов, остались наброски публицистической статьи, резко критической и вместе с тем полной надежд на необходимые перемены: «Все это возможно только на почве развития демократических форм управления и самостоятельного, широкого обмена научными ценностями, общего воодушевления, открытого и бесстрашного обсуждения всех сложных вопросов...» — писал Михаил Ильич в самом начале семидесятых. «Танк» рвался вперед до последнего дня.

Андрей ТУРКОВ.

100